

18 Александр Фёдорович
Никонов

Последний лопатинец

Александр Фёдорович Никонов

Последний лопатинец

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18913642

ISBN 9785447485481

Аннотация

В умирающей деревне остались три старика: пожилая пара и бобыль-пенсионер. Они охраняют родную деревню со странным названием Лопаты в меру своих сил от грабителей, «черных» приватизаторов и воров. Но силы слишком неравны...

Последний лопатинец

**Александр
Фёдорович Никонов**

© Александр Фёдорович Никонов, 2021

ISBN 978-5-4474-8548-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Много ещё на Руси деревень и сёл. А названия какие: Вертихвостка, Кулямка, Утка, Любавка, Селезень, Урень, Чапыжка, Чернобровка, Большие Брюсяны. Сердце поёт от этих названий, особенно у краеведов – им так и хочется узнать, откуда такие названия появились. Есть селения и с самыми простыми названиями: Ивановка, Фёдоровка, Валентиновка, Прохоровка, Александровка, Петровка, Борисовка, Афанасьевка, Маланьино, Феоктистовка, Клавкино... В общем, можно привести весь список всех имён и фамилий, которые существуют и бытовали на русской земле. Знать, ходили бродяги с такими именами и фамилиями по необъятным просторам шестого континента под названием Россия и обживали её, ставя у речек, у озёр, у морей сельцы, деревушки, за-

ставы, крепостцы, чтобы лелеять и обихаживать нетронутую веками и тысячелетиями ещё не родившую зерна землю.

Много, пока много ещё сёл, деревень и поселений на русской земле. А вот село под названием Лопата знаю только одно. Кажется, и название будто простое, да вот откуда оно взялось-то. Может тут когда-то жили лопари или лопати, как называли в наших местах басурман и еретиков, бежавших от никонианской церкви. Бывали тут такие. Лопарями волжские ушкуйники – речные разбойники называли толстые короткие верёвки с блоками, или шкентелями, которые на широких плоскодонных расшивах накладывали на топ-мачты. Может и такое быть, потому что село расположено недалеко от Волги-матушки. Лопастами называли разного рода водяных и русалок, которые жили в камышовых зарослях, а также некрещёных младенцев и проклятых людей, по-разному и тайком проказивших и предвещавших светопреставление.

А может в этом месте первые поселенцы занимались тем, что делали деревянные лопаты: огородные, с железной оковкой, чтобы дольше служили при копке; хлебные, совковые, пекарные, заступные, ссыпные – для мельниц или лопати для парусов. Может и такое быть, потому что во все стороны от деревни, насколько хватало взора, расстилался лес, в котором много росло липы. Из липы-то и делали те лопаты. И не только. Драли корьё, вымачивали и получали лыко и мочало, плели лапти, короба, туеса и разное другое надо-

бье.

Похоже, похоже. И всё же... Лопатинами или лопатами на Волге называли устье оврага, или водороины, которые выходили к реке, и большие песчаные наносы, веками намываемые паводковыми водами, стекавшими с высокогорья и образывавшими широкую плоскую косу. Вот это больше похоже на правду. Потому что деревня Лопаты притулилась на просторном высоком языке между двумя оврагами. Когда-то, лет двадцать назад, Лопаты были одним из отделений большого совхоза, а потом огромное хозяйство раздробили по клочкам, переименовав их в СПК или сельскохозяйственные производственные кооперативы. На руку это оказалось только бывшим руководителям, которые присвоили себе ранее называвшееся народным добро. Одни оказались рачительными и добрыми хозяевами, и хозяйства их процветали и во времена перестройки, и во времена дикого капитализма, и сейчас процветают. А другие, распродав активы, всё движимое и недвижимое, куда-то испарились, как утренний туман при первых лучах солнца.

В лучшие времена в Лопатах было сто двадцать дворов, тысяча триста гектаров пашни, своя школа, – правда, начальная – клуб, электричество, которое подвели лишь в конце шестидесятых годов, водокачка. А живности сколько держали! На такую маленькую деревню стадо было почти в двести голов, пойма около речки и берега у озера белели от сотен и тысяч гусей и уток-пекинок.

А потом словно Мамай по деревне прошёл. Когда хозяйина земли не стало, не стало работы, чтобы как-то выжить, сначала в города потянулась молодёжь, следом за ними родители. И остались в Лопатах одни старики, которые год от года вымирали, не дождавшись своих сыновей, дочерей и внуков, оставляя за собой заколоченные опустевшие дома, заросшие сорняком огороды, полусгнившие баньки на задах, хлеба и курятники. Правда, после них оставались кошки и собаки, одичавшие без хозяев, но и те потом куда-то исчезли: то ли поиздыхали, то ли убежали в леса на вольные хлеба, то ли нашли новых хозяев.

И остались в Лопатах только трое: старики Ехлаковы, Тихон и Наталья, которым было далеко за восемьдесят, и одинокий молодой пенсионер Курмышов Анатолий, которого с детства звали не иначе как Натолькой.

У Ехлаковых было трое детей: дочка и двое сыновей. Дочка ещё в детстве умерла от скарлатины, старший сын погиб в Афганистане, а младший, Павел, после службы на флоте остался на Дальнем Востоке – сманили его флотские друзья остаться на путину, чтобы подзаработать денег. Так он там и прижился. Старики и видели-то его после этого один раз, когда он приехал навестить родителей с молодой своей женой. Невестка Ехлаковым не понравилась – крашенная, в юбке колоколом, чисто городская, не приспособленная к деревенской жизни, которая, выходя на занавоженный двор, боялась испачкать свои белые лодочки на каблуках. Тогда они

и пробыли-то всего три дня, а потом и вовсе не были. Старики тоже к ним не ездили – билеты на самолёт стоили дорого, сто с лишним рублей на одного, а поездом добираться долго – на одну поездку нужно было две недели. А куда скотину денешь, её в карман не засунешь, за ней каждодневный уход нужен.

Анатолий был единственным сыном Аграфены Курмышовой, соломенной вдовы, у которой муж сразу со свадьбы ушёл на фронт и погиб в самом конце войны. Ох, и была же тогда молодая Груня, словно оплакивала и своих родителей, безвременно ушедших, и всех односельчан, что не вернулись с войны, и саму себя, ещё живую, красивую и здоровую. А тут в отделение прислали нового механика. У механика была жена и двое детишек. И хоть и грех был разбивать молодую семью, Груня не устояла. Не устояла природой, потому что где взять холостых да молодых, когда почти всех мужчин войной повыбило. Разразился страшный скандал, и механик с семьёй уехал, оставив Груне в благодарность за тайные ласки наследника. В положенный срок родился у неё Натолька, страшненький, худой, долговязый. Аграфена померла, а Анатолий так и остался на всю жизнь холостым, не найдя свою половинку. Да кому нужен матерщинник, беспутный, долговязый и вечно пьющий мужик.

2

Сегодня большой праздник – Пасха Христова. Наталья встала раным-рано, поплескалась у рукомойника, прибрала

волосы, надела передник и стала растапливать печку. Сосновые лучинки, которые ещё с вечера нащепал Тихон, с первой спички вспыхнули и затрещали. Она подложила их под берёзовые дрова. Сначала занялась береста, а потом и сами поленья. Первый войлок дыма пыхнул прямо в избу, а потом шлейфом нырнул в трубу, запахло дегтярным духом, смоляю и скипидаром.

Наталья сняла крышку с эмалированного бачка, который служил квашнёй, отщипнула кусочек теста и попробовала его на язык. Удовлетворённо улыбнулась – тесто поспело в самый раз. Взяла нож, несколько раз вонзила его в тесто – оно медленно опустилось, пуская пузыри.

Навечерие они ждали Анатолия, но он что-то не пришёл – напился, наверно. Но Наталья знала, что уж сегодня единственный их сосед и односельчанин придёт обязательно. Анатолий приходил к ним каждый праздник. А праздниками он считал все недели по пятидесятнице, Великого поста, по Пасхе, преходящие и непреходящие церковные праздники, всех святых, мучеников и праведников, новый год, 23 февраля, 1 и 9 мая, день пограничника, потому что служил в пограничных войсках, день рождения пионерской организации, день молодёжи, день знаний, день рождения комсомола, октябрьской революции и все новые праздники. И получалось, что праздниками у него были все дни года.

Наталья раскатала тесто, уложила пласты на противни, из чашек вывалила на них заранее приготовленную начинку,

накрыла другими пластами и аккуратно защипала края. Потом положила сверху змейку, розочку и уточку, чтобы пироги потом можно было отличить. Из оставшегося теста скрутила плюшки, посыпала их сахарной пудрой, сдобрила всё сверху маслом, чтобы выпечка получилась румяно-золотистой, и взглянула в нутро печи. Ага, протопилась, угольки на поду светятся жарками и перемигиваются, словно звёзды в ночном небе.

Наталья поставила пироги и плюшки в печь и прикрыла зёв заслонкой. Теперь можно и отдохнуть. Прилегла на диван отдохнуть, подумала: «Не заснуть бы, а то сторят». Зевнула, взглянула на настенные часы, прикрыла глаза. Думалось о былом – будущего-то уже немного осталось, самый ощипочек. И не заметила, как заснула. Разбудил её странный шум, словно буря жестяной крышей играет, вспыхнула, вскочила:

– Ой, матушки, пироги-то!

А у печи Тихон стоит и заслонку ставит. Взглянул на жену:

– Спала бы ещё, небось, утомилась.

– Да я про пироги-то!

– А чего пироги, в самый раз поспели. Я уж вон и вынул, и полотенцами накрыл, пускай отпыхиваются.

– Ну и ладно, – успокоилась Наталья. – Ты молочко-то из сеней занеси, пусть погрееется.

– Да занёс, занёс давно, на припечке стоит.

– Что-то Натольки нет.

– Да куда он денется, Натолька-то. Должно, печь топит. – Выглянул в окошко, долго всматривался в сумрак. – Так и есть, дым столбом идёт.

– Это хорошо, значит, погода хорошая будет, безветренная, ясная.

– Дай-то Бог, а то зима поднадоела. Ну, что, с праздником тебя, матушка моя.

– И тебя, Тиша, – ответила Наталья и перекрестилась на икону Спаса.

Тихон подошёл к жене, ласково посмотрел на неё:

– Давай поцелуемся, что ли. Ты прости меня, Наташа.

– Да за что же, будто и не за что.

– Да мало ли.

– Тогда и ты прости меня, Тиша.

– Ну, это пустое. Бог простит.

Они по русскому обычаю, троекратно, расцеловались. Наталья ушла и вернулась с куличом и миской крашеных яиц, поставила на стол. Спросила:

– Ты крючок-то в сенях откинул, а то Натолька придёт, а у нас закрыто. Заругает.

– Откинул, откинул.

Старики сели за стол и притихли. Вот заскрипели половицы крыльца, сеней. Отворилась дверь. Чтобы не стукнуться головой о притолоку, Натолька сложился чуть ли не вдвое, вошёл внутрь, поставил ружьё в угол, снял с головы фуражку и, раскинув длинные руки от стены до стены, закричал:

– С праздничком вас, дядя Тиша, тётя Наталья. А вот и я. Заждались, небось, а?

Вместе со свежим воздухом в избе запахло сивухой – значит, сосед уже принял на грудь. Он по очереди подошёл к старикам, расцеловал их и попросил прощения. Тут же сел за стол, потёр ладони.

– Ну, тётка Наталья, угощай, христосоваться к вам пришёл.

– Я гляжу, Натолька, ты уже успел где-то похристосоваться, – сказал Тихон, намекая на то, что гость уже был под хмельком.

– Да с кем мне христосоваться-то, с воронами, что ли. Это я так, принял немного для лечения души и головы.

– Ладно, ладно тебе, Тиша, корить-то. Всё же праздник сегодня. Ты скажи, Натолька, никто в деревне ночью не баловал?

– Не, тётка Наталья, всё тихо. Все дворы обошёл – никого. Да и кто к нам заявится, сейчас через овраг не пролезть, болотина там. Вот уж подсохнет, тогда жди гостей: и туристов, и ягодников, и грибников, и шатунов разных. Сейчас спокойно. – Анатолий улыбнулся. – А вы знаете, журавлей и гусей вчера видел. Три клина. Летят, милые.

– Это хорошо, – отозвался Тихон. – Весну, тепло к нам тащат. И чего они на север каждый год летают, у нас же холодно.

– Видать, север для них родина, – ответил Анатолий. –

Вот и летят. Только на наше озеро давно уже никто не садится. Помните, бывало, у нас по три пары лебедей прилетало, а теперь что-то и не видно.

– Ну, что, мужички мои, пора и пригубить ради праздничка, – сказала Наталья, разливая по рюмкам самогон. Она погрозила пальцем. – Только смотри, Натолька, не богохульствуй и не матерись, а то я тебя знаю. – Она подняла рюмку. – Ну, Христос воскрес.

Натолька оборотил своё лицо к иконе в углу, размашисто стал креститься, да не перстами, а кулаком стуча по лбу, по животу, по правому, а потом по левому плечу:

– Господи, Боже наш, спаси, сохрани и помилуй. – Затем рубанул перед собой ладонью. – Да всех, всех, всех сохрани, едритвою, матушка гусыня!

Натолька стукнул кулаком по столу, одним махом опрокинул рюмку и запихнул кусок пирога в рот. Тихон хохотнул и с брезгливой миной и отвращением стал цедить из рюмки, словно в ней был не самогон, а отрава. Наталья укоризненно покачала головой, чуть пригубила и поставила рюмку на стол. Облупила яйцо, посолила и съела. Потом сказала:

– Вот, не можешь ты, Натолька, без озорства да без ругани. Вот за что ты Бога-то так хулишь! Не веришь, так не верь. А ругаться к чему?

– Я не знаю, тётка Наталья, есть он, Бог-то, или нет его – не видал, а вера должна быть. Вот старые люди верили, что земля держится на трех китах. Вот и я в веру верую, потому

как на ней вся цивилизация держится.

– Если веришь, зачем, поминая Бога, ругаешься, а?

– Как зачем, тётка Наталья. Ты вот скажи, Бог-то у нас чей?

– Как это, чей, православный.

– Вот, стало быть, русский Бог-то! А если русский, как же он поймёт нашу молитву без крепкого словечка. С матерком-то он лучше её принимает. Правильно я говорю, дядя Тихон? Правильно. Значит, он поймёт, что это не грек какой или армянин просит, а русский. Да ты не кори меня, тётка Наталья, ты лучше плесни-ка мне ещё стопочку, глядишь, душа-то моя и отмякнет. А матерное слово... Что оно, слово-то, оно для крепости, так сказать, для связки слов в предложении. Иначе мы и не поймём друг дружку. Да и веселее так-то. Правильно я говорю, дядя Тихон?

Тихон лишь покачал головой и снова хохотнул. Наталья глубоко вздохнула и разлила в рюмки.

– Ладно, что с тобой поделаешь, на, цеди свою отраву. Своя-то, небось, закончилась?

– Да как же она закончится, тётка Наталья, она ж не с магазина, я сам её, миленькую, творю. А чего надо-то: десять килограммов сахара да килограмм дрожжей на флягу. А выгонка дело плёвое. Пока я в баньке парюсь, она, самогоночка, и готова. Цельных пять литров первачка да три-четыре литра сивухи, оно и хватает мне до пенсии.

– Пенсия у тебя маловата.

– Маловата, конечно, шесть с полтиной тыщ, да мне хватает. Куда мне их, деньги-то, солить, что ли. Да и на тот свет их с собой не прихватишь, они там не нужны. Там, в раю-то, благодать, всё есть и всё бесплатно. Бери – не хочу.

– Да отчего ж ты думаешь, что в рай попадёшь, беспутный ты эдакий! Материшься вон, и попадёшь прямо в ад.

Анатолий почиркал перед своим носом пальцем:

– Нет, тётка Наталья, не попаду. Я ж не для себя прошу-то, я ж для всех прошу спасения и милости. Думаю, Боженька это учтёт. Да и чего я согрешил-то за жизнь? А ничего, никакого греха на мне нет. Послунявь палец, дядя Тихон, проведи по моей коже: ни пылинки на мне греха нет. Чем я согрешил-то: всю жизнь работал, пахал, как лошадь, не грабил, не убивал, даже жену не колотил, потому что её у меня так и не было – не дал Бог. А я на него за это не в обиде, чего зря обижаться.

Наступила долгая тишина. Анатолий обхватил голову и покачивался, сидя на табуретке. Молчали старики, потому что знали историю Анатолия. В юности женихался он с Тоней Гороховой, голосистой певуньей, красивой и весёлой девушкой из соседнего села. Обещала ждать его из армии, где Анатолий оттрубил три года. И дождалась. Свадьбу назначили, гостей созвали, вина и водки закупили, закусок разных наготовили – как для Лукуллова пира. На три дня гулянки для обеих деревень хватило бы. А к сельсовету, когда новобрачные уже готовы были узаконить брак, вдруг отку-

да ни возьмись, подкатила чёрная «Волга» с оленем на капоте, из неё выскочили двое парней, подхватили невесту, запихали в машину и унеслись. Гости, да и сам Анатолий, подумали, что это шутка, обряд такой, что невеста покатается и вернётся, а потом потребуют за неё выкуп, как и положено. Но прошёл час, второй, третий, а похитители с невестой так и не появились. Уж и гости стали расходиться – кто со смехом, кто с плачем, а Анатолий просидел на крыльце сельсовета до самой ночи, дожидаясь свою ненаглядную.

Ничего не удалось узнать и у будущих сватов – они словно в рот воды набрали, молчали, как партизаны на допросе. Через три года Анатолий получил письмо от Антонины, в котором она сообщала, что ещё в техникуме, где она училась на бухгалтера, её домогался один красивый и наглый студент. Но она не поддалась, была верной ему, Анатолию. Студент-то этот был сынком какой-то начальственной шишки в области. Как он узнал об их свадьбе, она не знает. Украл он её, обещал золотые горы, если останется с ним жить. Пожили они три месяца, а потом студент-то этот её обрюхатил и бросил. И живёт теперь она в большом городе, ютится в общежитии и растит сынишку. К нему, Анатолию, не вернётся, потому что чувствует себя испоганенной, и жить с ним, Анатолием, не сможет. Обратного адреса на конверте не было, Анатолий крутил его в руках, пытаясь по штемпелю определить, откуда пришло письмо, но там стояла печать железной дороги – видно, Антонина бросила письмо в почтовый вагон

проходящего поезда.

Этим же днём, когда получил письмо, Анатолий помчался к несостоявшимся тестям и на коленях слёзно умолял сказать, где живёт Антонина, клялся и божился, что он жить без неё не может, что любит её по-прежнему, что готов принять её с ребёнком, хоть и с чужим. Но родители Антонины были похожи на камни и твердили одно: Антонина не велела ска­зывать – и всё тут.

По праздникам Анатолий устраивал слезку за домом ро­дителей Антонины, надеясь, что однажды его возлюбленная не выдержит, приедет в родительский дом, он увидит её и по­говорит с ней с глазу на глаз. Но Антонина так и не при­езжала. Но Анатолий заметил, что сами родители Антони­ны куда-то уезжают по осени, в сентябре. Проследил до же­лезнодорожного вокзала и увидел, что они садятся в поезд до Москвы. А куда они брали билет, так и не узнал. Ведь до Москвы десятки станций и много крупных городов – по­ди, узнай, где живёт его Антонина ненаглядная. И найти вот как надобно, но не будешь же искать её по всей России.

Анатолий уж и смирился – столько лет прошло, да и серд­це поостыло за многие годы. Но однажды к нему подошла тётка Антонины и протянула клочок бумаги:

– На вот, Натолька.

– Чего это?

– Адрес.

– Вижу, что адрес. Да на что он мне. Чей?

– Глупый! Антонины адрес. Живёт она там. Съезди, поговори с ней.

– А чего говорить-то, – обиженно ответил Анатолий. – Бросила она меня. А тебе что до меня?

– Вижу, как ты мучаешься. А надо так: или разрубить, или связать. Раз и навсегда. Только сестре моей не говори, что я тебе адрес дала, а то до самой смерти во врагах проживу.

Анатолий и поехал. Нашёл дом, в котором жила Антонина. Долго сидел в скверике, не решаясь войти в квартиру. А тут и она. Видно, с работы возвращается. Рядом с ней мужчина: солидный, уже в возрасте, ведёт за ручку мальчика лет семи. Понял Анатолий, что делать ему тут нечего – занята Антонина. Ни окликнуть, ни заговорить не посмел – и так всё понятно. Но Антонина словно почувствовала что-то, оглянулась, увидела его. Что-то сказала мужчине, подошла к нему.

– Здравствуй, Толя.

– Здравствуй, Тоня.

– Нашёл всё-таки?

– Нашёл. Что делать-то, Тоня, не могу я без тебя жить, хоть в петлю лезь.

– Поздно, Толя.

– Отчего же поздно. Мы ведь ещё молодые, жизнь впереди. Любишь меня или нет?

– Что любовь-то – железка раскалённая. Пока пышет – душа живёт, а остыла – уже не перековать. Да и сам видишь,

занята я, сынишка вон подрост, мужа моего за отца почитает. Поздно.

– Что-то он на студента-то не очень похож.

– Чего ты дерзишь, Толя, я и так обиженная, меня уж больше никто обидеть не сможет. Это и не студент вовсе, другой человек. Сошлись, живём. Прощай, Толя.

– Прощай, Тоня.

Антонина встала и ушла. Больше её Анатолий не видел...

Затянувшееся молчание прервала Наталья:

– Видать, однолюб ты, Натолька.

– Что ж поделаешь, если я таким уродом уродился, тётка Наталья. – Анатолий поднял голову. – Вы же знаете, сколько раз я с разными бабёнками сходил. Нет, не принимает их моя душа. Лежим, бывало, в кровати, а я об Антонине думаю, всё лицо её мне чудится, смех да песни её слышу. И так тошно мне бывало, что судьба моя с Антониной не сложилась. Может, оттого с приживалками этими и детей у меня не было. – Анатолий оживился, по лошадиному замотал головой, словно стряхивая с себя всё прошлое, закричал с отчаянием в голосе: – Эх, тётка Наталья, дядя Тихон, наливайте-ка ещё! Помянем мою жизнь непутёвую!

В этот день святой Пасхи Натолька уснул в доме соседей. Наталья уложила его на старый диван, накрыла одеялом, словно родного сына. Да почему словно, за последние годы, когда опустела вся деревня, он и стал им самым родным человеком, сыном, можно сказать. Да и сам Натолька почитал

стариков Ехлаковых за мать и отца.

3

Весна вошла в полную силу, раздобрела, словно забеременевшая молодуха. Лес, окружавший Лопаты, затенился первой листвой, снега, лежавшие в оврагах и буераках, окончательно стаяли, стекли водами в речку, в озеро, в котором проснулись караси.

Тихон, вставший сегодня раньше Натальи, через окно видел, как Анатолий с удочками и банкой с червями спускался по склону – видать, на рыбалку. Сходил бы и сам, но в последнее время ходули стали совсем негодными – пройдёшь всего ничего, а в них тяжести, словно к каждой по двухпудовой гире привязано. С горки-то ничего, легко, а вот на гору подниматься – каторга. «Ладно, схожу всё равно как-нибудь», – подумал Тихон. Уж очень любил он посидеть на зорьке у воды, не столько ради рыбы, а для удовольствия и пустого созерцания.

Придёшь к озеру, а на нём ни рябинки, словно стеклом застелено. По поверхности кое-где водомерки бегают, у носа комары зудят, в камышах лягушки урчат, а перед глазами два неба: одно наверху, другое в озере. У воды зябко, но только небесная жаровня покажет свой краешек, и становится тепло. Закидываешь удочку, поплавок почмокал воду и успокоился. Вот и первая поклёвка. Ага, осторожничает, поплавок только подрагивает. Видать, карась старый, осторожный, хитрый, чертяка, не раз на крючок напарывался.

Но и мы не сосунки – подождём. Ага, не вытерпел, поволок – оно и понятно, червячок-то вкусный, жирный, ещё живой. Давай, давай, засасывай. Пора! Подсечка! Не тут-то было: и карася нет, и червяка слопал, только пустой крючок болтается. Ах, ты, проныра, обхитрил всё-таки! Ладно, живи. Понимаем – каждому своя жизнь дорога. Оно, может, и к лучшему, ещё деток нарожают, засадят озеро ещё больше, не переведётся в нём жизнь. Ага, снова клюёт. Э, да это детёныш малый, решил поозорничать да попался. Какой от тебя толк – кости одни. Иди, живи пока, подрастай.

В этот момент в ушах что-то зазудело, и Тихон отвлёкся от своих мечтаний. Что это – комар, муха или дроссель от лампы дневного света жужжит? Нет, это что-то другое. Мотор, точно мотор, видно, машина чья-то в их глухомани заплуталась. Интересно, кого это в такую рань в их места занесло. Ягодникам да грибникам рано, пенсию через два дня привезти должны. Надо бы посмотреть.

Тихон снял с гвоздя свою двустволку, проверил, на месте ли гильзы, повесил на плечо стволом вниз – это предупреждение незванным гостям, ведь достаточно ружьё лишь вскинуть лёгким движением, и непрошенный гость уже на мушке. Хозяин вышел из дома, пересёк двор, открыл калитку. Вынул из нагрудного кармана куртки очки «для дали», набросил на курносый нос. Звук мотора всё слышнее, а машины не видно. Судя по звуку – УАЗик. Так и есть, среди берёзовых стволов мелькнул голубой кузов с брезентовым

тентом. Спокойно вздохнул – это свой, председатель СПК, в котором до сих пор числятся Лопаты. Вот машину остановилась и, в последний раз фыркнув, заглохла. Из кабины вылез сухопарый мужчина в кепке, лет пятидесяти, поприветствовал:

– Здравствуйте, Тихон Васильевич.

– И тебе доброго здоровья, Алексей Германыч.

Председатель подошёл, пожал руку.

– Как вы тут?

– Ничего, доживаем.

– Так уж и доживаете, выглядите вы на все сто. Я имею в виду процентов.

– Вот именно что на сто. Только на сто годов. Чего к нам-то?

– Да вот по полям рыскал, проверял, как сев проходит. Решил к вам залететь, узнать, как вы тут перезимовали.

– Слава Богу.

– А чего с ружьём-то?

– Да как же сегодня без ружья, лихих людей много развелось. Охраняем вот. Чать, помните, по осени у нас тут чуть все провода с опор не снимали. Хорошо, мы с Натолькой их шуганули, чуть до смертоубийства не дошло. Ладно, если бы просто провода сняли, а если б кого током убило, или, не дай Бог, закоротило где – сгорела бы вся деревня. Или дикари на отдых приезжают, водку пьют, разгульствуют, хулиганят, дерутся, разводят костры, где ни попадя. Беда, – поды-

тожил Тихон.

– Это правильно, – вздохнул председатель. – Распустила власть народ, анархия – делай, кто что хочешь. А теперь по-пробуй его взнудать-то. Это непросто, люди волю почуяли, как конь застоялый.

– Алексей, – перебил председателя Тихон. – Ты, чать, не на беседу в такую даль приехал, а? Чую я, что ты в душе чего-то держишь. Вываливай, чего уж там.

Председатель коротко хихикнул:

– Не проведёшь вас, дядя Тихон. Ладно, напрямки, так напрямки. – Помолчал. – Переезжали бы вы с тётей Натальей к нам, на центральную усадьбу, а.

– Опять ты о том же, Алексей! – взбрыкнул Тихон. – Сколько уж об этом говорено. Да куда ж мы стронемся, вросли мы уж в этих Лопатах. Что, или с корнем нас готовы выдрать. Дожить-то дайте, а там делайте, что хотите. Да и кому мы там нужны, на усадьбе-то. Нет-нет, и не уговаривай.

– А здесь вы что, живёте, что ли? Бирюки и есть бирюки. Там хоть народ, знакомых много, поговорить есть с кем.

– Откуда они, знакомые-то. Ровесники все, почитай, ушли уже с этого света. А молодых-то мы и вовсе никого не узнаем, пройдёшь мимо – и не поздоровкаешься. Что ж нам теперь, старикам, по людям мыкаться? А дом куда денем? Нет уж, уволь, Алексей Германых.

В этот момент из дома вышла Наталья, подошла, поздоровалась:

– С добрым утречком тебя, Алёша. О чём сорочим, аль светопреставление?

– Здравствуйте, Наталья Григорьевна. Как ваше здоровье?

– А что здоровье, – ответила Наталья, присаживаясь на лавку. – Как в том анекдоте – копим про запас.

– Всё шутите, тётя Наташа.

– А что же ещё делать-то, если это самое здоровье из копилки никак не вытацишь. Так с чем к нам приехал в такую рань?

Председатель помялся, сел рядом с хозяйкой.

– Тётя Наташа, может, хоть вы уговорите дядю Тихона переехать к нам, на центральную усадьбу. – Не дав времени на ответ, Александр Германович заторопился. – Я ведь знаю, там ваша подруга живёт. Жили бы рядом, ходили бы в гости, молодость вспоминали бы.

– Ишь, запел, ровно соловей в брачную пору, – язвительно проворчал Тихон. – Ты прямо говори, с чего вдруг такая спешка да нужда, а не улещивай мою бабу, словно девицу на выданье.

Председатель хлопнул ладонями по ляжкам.

– Ну, хорошо, прямо, так прямо. Уж слишком дорого вы обходитесь нашему хозяйству, вот что. Продукты вам привози, ведь магазина-то у вас нет. Это раз. Почтальонша с вами замучилась пенсию привозить каждый месяц. Это два.

– А что, или Настя жаловалась? – спросила Наталья.

– Жаловаться, не жаловалась. Но я же вижу, как она к вам

каждый раз, как на войну собирается. Путь-то неблизкий, всё же шесть километров. А вдруг её ограбят по дороге? Деньги-то немалые, на троих вам почти тридцать тыщ.

– Это уж точно, – снова съехидничал Тихон. – Ещё немного, и, почитай, миллионеры.

– А ты, дядя Тихон, не смейся. Пенсию вам не я устанавливаю, а государство. Вам же по максимуму посчитали. Анастасии, в случае чего, самой эти деньги выплачивать придётся. А у неё зарплата четыре триста.

Наталья перекрестилась и пробормотала:

– Господи, спаси и оборони Настасью.

Председатель продолжал:

– Летом ещё ничего, на велосипеде в Лопаты допылькать можно за полчаса. А зимой? Хорошо, если дорога есть, а если занесёт, так трактор приходится выделять, чтоб к вам пенсию и продукты доставить. А электричество! Ведь ради двух домов приходится и высоковольтную линию содержать, и трансформатор. Главный инженер районных сетей меня предупредил, что к зиме может и линию демонтировать, и трансформатор снять. Сами понимаете, приказать я ему не могу, они хозяева. Говорит, что очень затратно стало содержать это хозяйство. А что вы будете делать без электричества, а?

Все долго молчали. Наконец, Наталья повернула лицо к мужу.

– Тиша, что делать-то будем?

Тихон потеревбил пальцами свою бороду, наконец, отозвался:

– Да, куда ни кинь – всюду клин. Ну, хорошо, допустим, мы согласимся. А где жить будем?

Председатель оживился:

– Да вы не беспокойтесь, жильё найдём. У нас на центральном восемь домов пустых стоят. Старики поумирали, а молодёжь почти вся по городам разбежалась. Если согласитесь, выкупим, подремонтируем – и живите ради Бога, сколько захотите. У нас и газ есть, и канализация. Ванную вам устроим, тогда и баню топить каждую неделю не придётся. – Увидел, как Наталья грустно посмотрела на родной дом. – А хотите, ваш дом перенесём. Хотите? Плотников найму, они вам за неделю его перетащат. Ну, так что?

Наталья молчала, а Тихон снова пощипал усы и бороду:

– Перетащить, говоришь. Тут и перетаскивать нечего – гнильё одно. А вообще, подумать надо, Алексей Германович. Дело-то уж больно непростое, болючее. Сам понимаешь, как с нажитого с места старикам сниматься. Это тебе не с насекоста слететь.

– Подумайте, подумайте, мои хорошие, – обрадовался председатель. – Только прошу вас, недолго. Желательно до уборочной кампании. Там, сами понимаете, не до вас будет.

Алексей Германович уже встал, чтобы уйти, но остановился, тихо спросил:

– Да, а про Пашку-то не слышать, даёт о себе знать? Всё же мы с ним в друзаках ходили.

Тихон враз посмурнел, словно обрубил:

– Ты же знаешь, пропал он, да и приедет – знать его, поганца, не желаю. Как уехал на свой Дальний Восток, так словно в воду канул. Вот и пусть со своей рыбой в ней и плавает. Рыбак хренов. Видите ли, там, на путине, огромные деньги зарабатывают! Как же, разбогател. У нас вон, Волга рядом. Если уж такая охота, так лови эту рыбу здесь. Нет, подался на край света.

– Ну, чего гретишь, Тиша, – жалобно-укорчиво протянула Наталья. – Может, и не волен он, может, у него беда какая. Да и приезжал он, письма иногда писал – не забывал.

– Ага, как же, писал – раз в три года, – желчил Тихон. – А приезжать... Первый раз свадьбу приезжал справлять, а во второй, чтобы две недостающие тысячи на машину выпросить. Вот и все его поездки. Это за тридцать-то лет. Последыш уродился, думали, он нам опорой будет на старости лет. Вырастили опору, кружку воды поднести некому! Натолька вон, чужой совсем, и то нам навроде сына стал.

Жалобу старика прервал только что упомянутый Натолька, который вывернул из-за угла палисадника. Увидев председателя и стариков, он раскинул свою сажень, на конце которой, как на безмене, висели удочка и кукан с нанизанными карасями, и воскликнул:

– О, да у нас собрание! О чём толкуем, бывшие колхозни-

ки?

По суженным глазам и глуповатой улыбке было понятно, что Натолька порыбачил не только в озере, но и в своей фляжке, которую он всегда носил с собой.

– Доброго утречка всем. А тебе, Германыч, особый мой гешефт. Каким ветром к нам?

– Здравствуй, Анатолий, – поприветствовал председатель третьего жителя Лопаты. – Вижу, хорошо порыбачил.

– А то! Нам и на уху, и на жарёху хватит. – Он протянул Наталье кукан. – На, тётка Наталья, пожарь, будет, чем дорого гостя угостить.

Наталья взяла кукан.

– Ого, тяжёлый! Должно, килограмма три.

– Бери выше, тётка Наталья, – не согласился Анатолий. – Двадцать восемь карасей, каждый грамм по двести. Вот и считай.

– Ну, ладно, вы тут калякайте, а я пойду, почищу да пожарю.

Когда Наталья ушла в дом, Анатолий снова спросил:

– Так, чего к нам-то, Германыч?

– Да вот снова просит нас на центральную переезжать, – опередил с ответом председателя Тихон.

– Переезжать? Это хорошо. А зачем?

– Да вот, говорит, что нашу Лопату содержать затратно.

– Затратно?! – закричал Анатолий. – А ну-ка, давайте считать.

Курмышов сел на скамейку, закурил и стал загибать пальцы:

– Вот, смотрите. Сколько в Лопате пахотной земли? Тысяча гектаров с хорошим гаком. Правильно? Правильно. Сейчас все наши паи в управлении СПК, и мы от них ни копейки не получаем. Сколько урожая вы с неё собираете, если даже по минимуму считать – по двадцать центнеров с га? Почти три тысячи тонн золотой пшенички. Правильно? Правильно. Почём вы её продаёте, Алексей Германыч? Уж никак не меньше десяти тысяч рублей за тонну. Это куда же цифорки-то взлетают? Почти тридцать миллионов рубликов! А урожаи на наших землях бывают в хорошие годы и за срок центнеров.

– Ну, это в хорошие годы, которые выпадают раз в пять-шесть лет, – возразил Алексей Германович. – Ты вот считаешь доходы, а про расходы забыл: зарплата, гэсээм, запчасти, удобрения, перевозки. Да много чего.

Курмышов, хоть и был всегда пьян, но с головой своей дружил:

– Ой, Германыч, не надо меня лечить! По слухам, в прошлом году хозяйство получило почти семнадцать миллионов чистой прибыли. Куда она подевалась? Ну, ладно, слетали там ваши бухгалтера, инженеры, да и сам ты, с семьями в Египет, в Турцию, в Таиланд. А остальные-то денежки где? Простые колхозники в день сельского хозяйства получили в конвертиках по несколько тысяч, и всё.

– Слушай, Анатолий, как вы все любите деньги в чужих карманах считать, – не выдержал председатель. – Мы, что ж, по-твоему, и не работаем совсем?

– Чего же не работаете-то, работаете! Вот только общак делите на свой глазок: чужому череном, а себе совком, вот оно что. Мало того, ты мне с Тихоном Васильевичем каждый месяц ещё оплачивать должен.

– Это за что же?

– За охрану нашей деревни. Мы ведь каждый день с рухьём обход делаем, да не один раз: утром и вечером.

– Чего тут охранять-то, гнильё одно. Кому оно нужно, – проворчал председатель.

– Не скажи! Сегодня наши Лопаты, может, и не нужны никому, а потом придёт времечко – и потянется сюда народец из ваших вонючих городов. Вот тогда земляца-то здесь станет золотая. Представь себе: однажды спускается на поляну голубой вертолёт, выходит из него какой-нибудь богатеи и говорит: «Красотель-то какая! Построю-ка я здесь дворцы, пусть народец живёт да радуется».

– Ты так серьёзно думаешь?

– А что! Сам знаешь, как времечко-то меняется. Будто бы недавно при Советах жили, а сейчас уже светлое капиталистическое общество строим.

– Пусть так, – нехотя согласился председатель. – А всё же, согласен ты переехать на центральную усадьбу?

Анатолий помолчал:

– Видно будет, чего загадя говорить. Мне ещё моя покойная маманя, пусть земля ей будет пухом, всегда говорила: «Натолька, не загадывай ничего на завтра, а то не сбудется». А ведь так и получалось: загадаешь чего, а оно вдруг раз, и перевернулось. Дожить ещё надо. Я, конечно, очередь на тот свет не занимаю, да и устанавливает её не люди, а Боженька. Всякое может случиться.

Курмышов перекрестился. Председатель с усмешкой спросил:

– Что, Анатолий, в Бога веруешь?

– Верю-не верю, дело не твоё, а народные традиции чту. Ну, ладно, поговорили. Так ты как, Германыч, останешься на жарёху-то? Тётка Наталья уж больно хорошо их готовит: с золотистой корочкой, в сметане. Пальчики оближешь, председатель.

– Нет уж. У меня дел много.

– Ну-ну, тогда езжай, зарабатывай свои миллионы, может, они тебе и на том свете пригодятся.

Председатель пошёл к машине, а Анатолий заорал во всю глотку:

– Скака-ал казак через доли-ину,
Через манжурские края.

Скака-ал он, всадник одино-окий,

Блести-ит колечко на руке-е.

Кольцо-о казачка подари-ила,

Когда-а казак шёл во похо-од.

Она-а дарила, говори-ила,
Что че-ерез год буду твоя-я.
Го-од прошёл, казак стрело-ою
В село-о родное поскака-ал.
Зави-идел хату под горо-ою,
Забии-илось сердце казака-а.
Напра-асно ты, казак стреми-ишься,
Напра-асно мучаешь коня-я,
Тебе-е красotka измени-ила.
Друго-ому верность отдала-а.

И в хрипловатом голосе Натольки одновременно слышались и удаль, и грусть, и разухабистость, и горечь, и слёзы. Такие вот они, русские народные песни.

4

Завтра должна была приехать в Лопаты почтальонша Настя Гулеванова, которая двадцатого числа каждого месяца привозила пенсию. Погода стояла вёдрая почти целую неделю, и это значило, что с её доставкой никаких препятствий быть не должно: и овраг сухой, в котором после дождей образовывалась, как говорили в этих местах, трясца, и через которую невозможно было не то что проехать, но иной раз и пройти. Это тебе не зима, когда овраг заметало почти по бровки, и через него можно было проехать даже на бульдозере.

Ещё с вечера Курмышов потирал руки, в предвкушении очередной, как он называл пенсию, «зряплаты». Сидел он,

как всегда, у стариков, чтобы посмотреть новости, потому что телевизора у него не было – свой старенький, совсем одряхлевший «Электрон» вынес в сарай ещё лет десять назад, аккуратно положив его в картонную коробку «для истории». Пенсия у Натольки была небольшой, с последними добавками в шесть процентов шесть тысяч четыреста четырнадцать рубликов с копейками, которые в России давно и за деньги-то не считали. Если ты пришёл в магазин, и в кошельке или кассе не было мелочи, покупатели и продавцы не ссорились, как в давние годы, когда каждая копеечка считалась настоящей валютой. Наталья возмущалась:

– Что же ты, Натолька, свою пенсию зряплатой называешь, иль не заработал?

– Как же не заработал, почти сорок лет пахал на государство. Правда, восьми месяцев не хватило до льготы, а то бы получал тыщи на полторы больше, – рассуждал хмельной, как всегда, Курмышов. – Да ещё проезд по области и лекарства бесплатные.

– Так, доработал бы, у тебя что, ни рук, ни ног нет?

– Может, и доработал бы, да где. Сама видишь, тётка Наталья, не только работы не стало – сёла и городочки пустеют. Вот скажи, что это за государство, едриттвою, матушка гусыня! Официальный стаж для пенсии законом установлен двадцать пять лет для мужчины и двадцать лет для женщин. Ну, конечно, при достижении ими пенсионного возраста. Это я понимаю, чтобы они не шалберничали оставшиеся

годочки. А если человеку несколько месяцев до этого льготного стажа не хватило, тогда что – лишать его этих самых льгот, да? Несправедливо это. Если по справедливости рассудить, то делать надо так: проработал ты год после положенного стажа – вот тебе два или три процентика льготы, проработал два – вот тебе четыре или шесть процентов этой льготы. Тогда бы люди не обижались. Вот ты, тётка Наталья, тоже эти льготы не получаешь. А ведь троих родила, в декретном отпуске была, с детьми нянькалась почти девять лет, а ведь в стаж-то это тебе не зачли, будто б и не работа это – с детьми сидеть, растить их, ночами не спать, пелёнки стирать.

– Да и шут с ним, со стажем-то этим, – миролюбиво отшутилась Наталья. – Главное, что дети. Радости от них больше, чем от добавок этих.

Тихон усмехнулся:

– Тебе бы, Натолька, в министры надо было подаваться, или в полководцы, а не шоферить. Вон как ловко всё разложил, словно Чапай картошку.

– А что, думаешь, не сумел бы? Ещё как сумел бы! А ведь многие так рассуждают – мол, шут с ними, с этими льготами. А государство этим пользуется, – ехидничал Курмышов. – Ну, ладно. А чем человек виноват, если он заболел сильно. Помнишь, дядя Тихон, Геннадия-то Мушкина?

– Ну, помню, на лесопилке работал рамщиком. И что?

– А то. Поломал он себе спину на государственной лесопилке, потом пять лет на группе сидел. А как стал себе пен-

сию оформлять, то эти пять лет в стаж не включили – мы, мол, спину тебе не ломали. Генка возмутился: «Как, мол, так, я ведь эти пять лет пенсию по инвалидности получал, думал, что мне эти годы зачтутся. Выходит, я сам себе специально сломал спину». А ему – не положено, и всё. Известно: что одним не положено, то в другой котёл заложено. Да и льготники – и те разные. Одни областные, другие федеральные. Если, допустим, дали тебе медальку «За коммунистический труд» или к столетию Ленина, то вот тебе федеральные льготы, пользуйся, славный труженик, щедростью государства, едриттвоею, матушка гусыня. А кто медальки-то эти да ордена получал? Руководители, начальники разные, их задоблюды, коммунисты и комсомольцы! Редко когда простой работяга или беспартийный награды-то получал – может, один на тысячу, так, для замазывания народного глаза.

– Эх, Натолька, – вздохнул Тихон. – Если бы при советской власти ты такие речи говорил, сидеть бы тебе на Соловках.

Курмышов усмехнулся:

– Я что, дурак, по-твоему, дядя Тихон. Потому и не говорил, что тайгу бесплатно валить было неохота. Надо мне это? Эх, матьтвоею, матушка гусыня! Тётка Наталья, налила бы ты мне, что ли, немного, а то в горле что-то запершило от этой лекции.

– Сейчас подам, – кротко согласилась Наталья, принесла

полный стакан и поставила его перед Анатолием.

Курмышов от удовольствия крикнул, одним махом опрокинул стакан в глотку, сморщился, словно выпил какую-то гадость, и удивлённо спросил:

– Тётка Наталья, что это?

– Это вода, милый. Охолонулся? Иль забыл, что завтра пенсию получать. А Настасья, она страсть как не любит пьяных да похмельных мужиков – может пенсию тебе и не выдать. Распоряжение у неё такое.

Анатолий обиженно засопел:

– Тётка Наталья, могла бы просто сказать, что это вода, или у тебя выпить нечего. А то вот глотнул, а душа-то не развернулась. Тяжко ей, что её обманули. Ладно, пойду, обход сделаю да спать лягу. Эх, едритвою, матушка гусыня!

С утра Тихон встал пораньше, едва только солнышко позолотило редкие облачка в небе, а самого его ещё и не видеть. Оделся, закинул на плечо ружьё. Грудь сама вздымнулась, глотнув свежего, напоённого травяным духом и смольём воздуха. Зябко, хоть и конец апреля. Был приморозок, молодая трава кое-где серебрилась от выпавшего инея. В конце, где когда-то были фермы, зерноток, водонапорная башня, где стояли амбар, агрегат витаминной муки, и ходить нечего – там сейчас одни руины. Всё железо давно срезали охотники до металлолома, фермы почти до основания разобрали на кирпичи, а шифер с них сняли. Тихон вздохнул. Дома ещё стоят, заросшие по самые крыши лебедой, полы-

нью и крапивой. Да и кому нужны эти гнилые деревянныешки. Некоторые избы, построенные лет тридцать назад, ещё стоят, тужатся молодиться, поплёскивая стёклами окон, хвалясь узорами наличников и ставень, а другие уже начали тонуть в земле, кривиться и заваливаться набок.

Охранять как будто и не надо, кому нужна эта умирающая деревенька, которая когда-то числилась селом, потому что здесь была своя церковь со своим, правда, небольшим, приходом. «И, правда, кому, – усмехнулся про себя Тихон. – Разве что вот ему, Наталье да Натольке». А чем чёрт не шутит, может, кому ещё и понадобится, ведь красота-то здесь какая, какое приволье, какой воздух, леса какие. А родники какие, из которых Натолька через день-два привозил во флягах воду на своём старом «Урале». Вода-то в них – бальзам, не то, что в городах, где её каждый день разводят хлоркой и разными химикатами.

А вот и место, где когда-то стояла деревянная церковь, от которой остался один фундамент. Ноги, проклятые, уже не держат, тяжёлые, словно вериги тащишь. Тихон смёл рукой с фундамента мусор, сел отдохнуть. В этой церкви его и Наталью успели окрестить. А потом попа арестовали и куда-то угнали – на Соловки, наверно. Осталась церковь беспризорной и простояла лет, наверно, пять или шесть после ареста попа. Церковную утварь, золотую и серебряную, описали и куда-то увезли товарищи, но перед этим иконостас растащили по домам старухи и попрятали иконы кто куда.

Пытались эти иконы искать, среди которых, по слухам, были с драгоценными окладами, даже целое отделение милиционеров приехало, но ничего так и не нашли. Сначала в церкви хотели сделать что-то вроде клуба, но под кресты местные жители заходить боялись. Тогда решили кресты эти снять. Среди местных сотворить это кощунство не нашлось, тогда наняли четверых татар, которые под улюлюканье и страшавые крики старух сбросили эти кресты. Один крест, с колокольни, сразу увезли, а второй по самое перекрестье вонзился в землю, да так плотно, что его даже тремя лошадьми не могли стронуть. Решили оставить до утра, чтобы завести колёсник «Фордзон» и вытащить. Утром подъехали, а креста-то и нет. Стали искать, дознаваться, да что толку – словно не живых, а мёртвых расспрашивали.

Слухи пошли. Что крест этот святой, намоленный, будто ангелы на небо унесли. Какой-то рыбак сказал, что он своими глазами видел, как на утренней зорьке что-то блеснуло и упало в озеро. И там бреднями шарили, да наловили лишь с мешок карасей. Одна бабка божилась, что крест этот будто сам двигался, да прямо так и врос в стенку дома Говядиных, который стоял у самого леса. Поверили чекисты, хотели даже дом разворотить, да Говядины у порога с вилами встали – как же, попробуй, подойти – каждому животы вспорют! Дом ломать всё же не стали, обыскали, но креста так и не нашли. Ну, крест, и крест, Бог бы с ним, но в Лопатах поверие гуляло, что крест-то был сотворён из чистого золота, который

будто бы подарил какой-то известный губернский купец, вот власть и старалась – как же, такие деньжищы! Может, крест был и на самом деле из чистого золота, потому что сиял он, словно венец Божий.

Тихон встал, прошёлся по второй улице – всё, вроде, тихо. Когда воротился, увидел, что сосед уже сидит на лавочке у их изгороди и смолит сигарету. Смурной, с нависшими бровями, взгляд, как у бирюка: верная примета – не похмелился. Вот что водка-то проклятая делает, когда её каждый день потреблять. Не похмелишься, вроде и жизнь не жизнь. Тихон сел рядом.

– Здорово, Натолька.

Курмышов вздохнул, да так глубоко, словно грудь решил разорвать, выдохнул вместе с дымом:

– Здрав будь.

– Надо бы сегодня на родники съездить, вода заканчивается.

– Ужо.

– Может, зайдёшь, поутренничаем?

Анатолий лишь отмахнулся. К десяти, когда Анастасия должна была уже появиться, Тихон с Натальей присоединились к соседу. Курмышов нервно посматривал на свои старые заводные часы «Победа».

– Да что же её нет, куда она запропастилась. Время уже одиннадцатый час.

– Припозднилась, наверно, – ответила Наталья. – Мало ли

чего. Может, дома случилось чего.

– Так, она всегда в десять уже здесь была. Ты позвонил бы, дядя Тихон, на почту, узнал бы.

– Да что ты гоношишься, подождём ещё немножко.

Но у Курмышова, видать, терпелка закончилась:

– Звони, говорю, узнай.

Тихон достал из кармана сотовый телефон, встал, покрутился на месте:

– Ага, сигнал есть! Сейчас. – Набрал номер. – Степановна, добро утречко. Да я, я. Не скажешь, скоро ли Настасья-то к нам? Выехала, говоришь. Давно? С час уже? На чём? На велосипеде? Ну, добро. Пока. Вот видишь, выехала, – добавил он для Анатолия. – А ты крутишься ужом.

– Так если она час назад выехала, должна бы уже здесь быть.

– Ну, мало ли.

Курмышов решительно встал:

– Нет, я всё же поеду, встречу.

Он вывел со двора мотоцикл с люлькой, повернул бензиновый краник, подсосал в карбюратор горючего, завёл машину. Не забыл положить в коляску ружьё, крикнул соседям:

– Я скоро.

Выехал за околицу, свернул на лесную дорогу. Мотоцикл не гнал, а зорко всматривался по сторонам. Вот и овраг, разрушенный мост, по песчаному дну течёт ручей. Посмотрел на противоположную бровку оврага – никого. Посмот-

рел влево, в заросли кустов, – там что-то белеет. Спустился на мотоцикле вниз. Так и есть, Настёна на земле лежит. Поодаль валяется велосипед с привязанной к багажнику сумкой, в которой Анастасия привозила продукты. Заглушил мотор и услышал стон. Подбежал:

– Настёна, ты как? Упала, что ли?

Анастасия, увидев Анатолия, села по-бабски, вытянув перед собой ноги, схватилась за голову, запричитала:

– Ограбили, ограбили, проклятые! Всю пенсию вашу утащили, сволочи.

– Кто, кто ограбил, знаешь кого?! – закричал Курмышов.

Настёна закрутила простоволосой головой:

– Нет, не наши, чужие. Не знаю я их. Боже, что же мне делать-то, ведь мне теперь придётся всю сумму выплачивать, а это почти тыщ! – стенала Анастасия.

– Да хватит тебе причитать-то, жива, и, слава Богу. Ты лучше скажи, куда они побежали.

– Туда вон, – Анастасия показала рукой в лес.

– Давно?

– Да минут десять как. Сволочи, паразиты, тати!

Курмышов склонился над почтальоншей:

– Настасья, иди-то можешь?

– Могу-у.

– Иди до наших, в Лопаты, жди там. Не сообщай никуда. Я скоро.

Анатолий поднялся из оврага, завёл мотоцикл и поехал

вправо. В уме уже прикинул, что если грабители пришли пешком, то за десять минут по лесу они могли убежать километра на два. А если на машине, то им придётся подниматься по скользким склонам до шоссе. Пролетев до заброшенного кордона, Курмышов спрятал мотоцикл в обрушившемся сарае и скорым шагом по старой заросшей просеке дошёл до шоссе. Машин нет. Тут же вернулся назад и по оврагу стал продираться сквозь кусты вдоль ручья. Скрадкими шагами обогнул лещинник, где они каждый год заготавливали на зиму орехи. Недалеко земляничная поляна. Никого. Да где же они? Не могли они так далеко уйти, никак не могли. Может, по левой стороне пошли? Там глухомань, чего им там делать. Им к жилью надо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.